

Научная статья

УДК 340

DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238

EDN AFEYBH

Коммуникативная функция права

Владислав Валерьевич Денисенко

Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (Университета)
МИД России, Одинцово, Россия

vsu_vlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5838-1577>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу коммуникативной функции права, которая лежит в основе взаимодействия социального государства и формирующегося гражданского общества в современную эпоху формирования цифрового права. Именно в таком контексте нужно рассматривать специфику понимания и классификации функций права. Коммуникация является важнейшей характеристикой современного цифрового государства и права. В этой связи коммуникативная роль права оценивается в статье и как общесоциальная, и как юридическая функция. В первом случае коммуникативная функция права рассматривается как информационная и имеет важнейшее значение для правовой культуры, правового воспитания и правосознания. Помимо этого, общесоциального, значения коммуникация имеет и специфичный правовой функционал. В этом аспекте коммуникативное действие связано с регулятивными и охранительными функциями права. Роль коммуникации является ключевой в современном правовом регулировании в связи с расширением предмета правового регулирования. Сейчас функционирование права обладает спецификой в связи с процессом юридификации общества в условиях модернизации права и выполнения государством социальной функции. Юридификация заключается в замещении правовыми нормами иных социальных правил. Регламентирование большинства общественных отношений через юридические функции приводит к необходимости учета коммуникативных связей в обществе. Юридические функции права в современном обществе должны учитывать фактор легитимности правовых норм, а не только их принудительность. Коммуникация в функциональном аспекте представляется необходимым фундаментом для достижения целей правового регулирования и правовой политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

функции права, коммуникативная функция права, сущность права, легитимность права, цифровое право, юридификация общества, эффективность правового регулирования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Денисенко В.В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3. С. 231–238. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238. EDN AFEYBH

Original article

The communicative function of law

Vladislav V. Denisenko

Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo, Russia

vsu_vlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5838-1577>

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the communicative function of law, which underlies the interaction of the social state and the emerging civil society in the modern era of the formation of digital law. It is the context that the specifics of understanding and classifying functions of law should be considered. Communication is the most important characteristic of the modern digital state and law. In this regard, the communicative role of law is assessed in the article both as a social and legal function. In the first case, the communicative function of law is considered as informational and is essential for legal culture, legal education and legal awareness. In addition, social communication has specific legal functionality. In this aspect, communicative action is associated with regulatory and protective functions of law. The role of communication is key in modern legal regulation in connection with the expansion of the subject of legal regulation. Now the functioning of law has specifics in connection with the process of legalization of society in the context of the modernization of law and the fulfillment of the social function by the state. Juridification consists on replacing other social rules

© Денисенко В.В., 2022

with legal norms. The regulation of most public relations through legal functions leads to the need to take into account communication ties in society. The legal functions of law in modern society should take into account the legitimacy factor of legal norms, and not just their coercion. Communication in a functional aspect seems to be a necessary foundation for achieving the goals of legal regulation and legal policy.

KEYWORDS

functions of law, communicative function of law, essence of law, legitimacy of law, digital law, juridification of society, efficiency of legal regulation

FOR CITATION

Denisenko V.V. The communicative function of law. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*. 2022;23(3):231–238. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238. EDN AFEYBH.

Введение

В настоящее время категория «коммуникация» является крайне востребованной при характеристике права как в зарубежной, так и в отечественной юриспруденции. Формирование в последней четверти XX века так называемого общества постмодерна [1, с. 24–40] привело к повышению роли информации и информационных технологий. Концепции цифрового права и электронного государства являются отражением значительных преобразований в отечественной правовой системе и с неизбежностью ставят вопрос о переосмыслении сущности и классификации концепции функций права. Традиционно в отечественном правоведении под функциями права понимаются «...обусловленные его социальным назначением направления правового воздействия на общественные отношения» [2]. Основной классификацией функций права большинством российских ученых признается деление на юридические и социальные [3, с. 207]. В рамках последних и выделяют коммуникативную или информационную функцию права, однако в большинстве российских учебных пособий главный акцент делается на функциях регулятивной и охранительной. В настоящей статье ставится задача обосновать значение коммуникативной функции права как в социальном, так и в юридическом аспектах. Прежде всего следует определиться с пониманием ключевой категории «коммуникация» применительно к правовым отношениям. Профессор Вернер Кравитц указывал, что понятие коммуникации означает «передачу информации через сделанное сообщение, которое осуществляется в определенной форме социального соглашения, согласия и взаимодействия» [4, с. 36]. При этом немецкий ученый отмечал: «...я рассматриваю все право, т. е. длящиеся процессы производства и воспроизводства правовых порядков и правовых норм, а также их применение к человеческим переживаниям и поступкам, как информационно сопряженное социальное правовое явление. В это явление

с точки зрения коммуникации входит и знание, релевантное поведению. Подобное вхождение имеет целью принятие практически ценных и ответственных политико-правовых решений» [5].

В отечественной юриспруденции правовая коммуникация впервые стала предметом научного анализа в работах профессора А.В. Полякова. Автор коммуникативной теории права определил право «...как правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении» [6, с. 9–10]. Более узкое понимание правовой коммуникации дает Е.Б. Макушина: «...проходящий в правовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю» [7, с. 79].

Таким образом, мы можем наблюдать два подхода к пониманию правовой коммуникации в правоведении. Более узкий связан с пониманием правовой коммуникации как процесса передачи информации между субъектами правотворчества и правоприменения. Более широкое понимание коммуникации применительно к праву связано с пониманием права и его сущности как коммуникативного процесса в современном государстве и обществе. Следовательно, «право уже не означает простой правовой порядок, покоящийся на герменевтической работе с правовыми текстами, охватывающий все действующие предписания и сводящийся только к этому модусу бытия. Право понимается как динамично-функциональная, всепроникающая, социально установленная сеть совокупных коммуникаций и юридических действий. Такая сеть в своей полноте и образует правовую систему. Все коммуникации и юридические действия, которые имеют место в определенной сфере деятельности, следуют за предшествующими коммуникациями и юридическими действиями, ведут (путем своего рода присоединяющей рациональности

(Anschlussrationalität) к постоянно возобновляемому производству и воспроизводству правовой системы» [5, с. 18]. Актуальность коммуникативного подхода к функциям права связана с процессами объективного и субъективного характера, происходящими в отечественной правовой системе. Глобальные изменения в общественных отношениях привели к формированию феномена, так называемой «гиперреальности» (термин Ж. Бодрийяра), где огромную роль играет информация и ее обмен. Таким образом, условия, в которых существует современное государство, предполагают необходимость доктринального осмысления коммуникативной функции права, причем не только как информационной, но и как юридической.

Методология

В процессе работы над заявленной проблемой были использованы следующие методы: системный, сравнительно-правовой, формально-юридический. Выбор методов обусловлен спецификой исследования коммуникативной функции права в контексте современного общества и права. Поэтому при анализе коммуникативной функции права адекватной целям данного исследования философской методологией является социальная феноменология А. Щюца [8].

Обсуждение

Длительный период в разработке проблем понимания сущности функций права методологической основой отечественных юристов была материалистическая диалектика. Между тем господствовавший долгое время в юриспруденции методологический монизм как в понимании сущности права, так и в исследовании его функционального аспекта привел к тому, что в настоящее время, как констатирует А.И. Демидов, «в своей массе юристы... отстали от того общего методологического движения, в которое была вовлечена социально-политическая и философская мысль в XX веке. Сказался эффект методологического монополизма и жесткого идеологического контроля... принципиального убеждения в истинности только одной методологии, одного типа мировоззрения» [9, с. 14–15]. Общественные изменения с неизбежностью приводят к постановке вопроса о смене методологии, что необходимо для полноценного понимания современных проблем функций права. Речь идет именно о новой философской парадигме в понимании Т. Куна, который рассматривал данную категорию как набор приемов познания и моделей (образов) по-

становки и решения задач [10]. Говоря о необходимости новой философской парадигмы для исследования функций права, следует учитывать те изменения, которые произошли с конца XIX века по настоящее время. Как отмечает современный социолог Н.Л. Полякова, «все три основные классические теории (Маркс, Дюркгейм и Вебер) описывали западное промышленное общество своего времени» [11, с. 201]. Общей для всех этих подходов являлась идея общества, основанного на труде. Несмотря на различие подходов, социологическая мысль конца XIX века описывала индустриальное общество, основанное на производстве и обмене. Начиная с 60-х годов XX века формируется посттрудовое или информационное общество. В 1979 году Ж.Ф. Лиотар писал: «Известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в развитых странах» [1, с. 18]. В таком обществе на первое место выходит уже информация, а не труд. Крупнейший немецкий философ Ю. Хабермас отмечает, что «старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. ... Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте» [12, с. 162].

Таким образом, можно заметить, что материалистическая диалектика как философская концепция претендует на объективно-метафизическую значимость, если использовать терминологию немецкого философа К.-О. Апеля [13]. Однако происходящее из Нового времени, эпохи Декарта и Бэкона, сведение всех видов деятельности к труду не было характерно для всех эпох, в частности, для Античности и Средневекового христианства. Речь и поступки человека не сводились к трудовой деятельности в работах философов Древней Греции, так как труд и созидание понимались как деятельность рабов (чистое знание, например, Аристотель ставил выше практического искусства). Христианство также не ставило активную трудовую деятельность во главу ценностей, и лишь протестантская этика начинает понимать работу как высшую задачу человека на земле. «Мыслители Нового времени (Джон Локк, Адам Смит) стали сторонниками превосходства труда над другой деятельностью, так как труд стал пониматься как источник собственности, богатства. Дальнейшая абсолютизация труда как ценности связана с политической экономией

К. Маркса, который рассматривал политику в качестве надстройки по отношению к базису, роль которого играют производственные отношения», указывает Н.А. Бусова [14, с. 199–200].

Однако только экономическими факторами нельзя объяснить процессы, происходящие в обществе. Большинство современных ученых отмечают, что «доминирующая роль хозяйства над иными общественными отношениями справедлива лишь при характеристике либерального государства с неограниченной экономикой. В более ранних формациях экономика находилась в подчинении к религии и политике, в настоящее время в развитых странах политика доминирует над экономикой» [15]. Этот тезис развивает американский социолог Д. Белл: «Марксистская концепция способствует пониманию природы капиталистического общества, но неприменима к прежним историческим общественным формациям и вряд ли пригодна для анализа грядущих постиндустриальных процессов» [16, с. 172]. Говоря о современной методологии, необходимо использовать в качестве философско-методологической основы теорию, в которой соединены понимающий и объективистский подходы. Лишь в этом случае мы, с одной стороны, избегаем субъективизма, учитываем объективные факторы, влияющие на право, а с другой стороны, не уходим в чистый структурализм, когда абсолютно не учитывается роль индивида и коммуникаций между субъектами. Соединение этих методологических установок при анализе общества и права характерно для работ крупнейших зарубежных ученых, например, Ю. Хабермаса и А. Хоннета. В связи с вышесказанным во второй половине XX века в философии формируется новая парадигма — лингвистическая, связанная с коммуникативным пониманием общественных отношений. Лингвистическая парадигма использует категории, разработанные социальной феноменологией, прежде всего категорию «жизненный мир», принадлежащую А. Шюцу [8, с. 85]. Жизненный мир — это отношения, в которых преобладают коммуникативные действия, помимо этого существуют сферы, где используются инструментальные действия, например, экономическая система и ряд других. Слово здесь не понимается как средство выражения результатов мышления, мышление и использование языка трактуются как совпадающие процессы (и второй процесс для исследователя общества обретает большую значимость). Джон Остин в работе «Слово как действие» [17] впервые в философии рассматривал речь не как средство передачи ин-

формации, а в качестве действия, изменяющего состояние внешнего мира. Речь как действие изменяет мир, но не физический, а социальный. До Остина философы считали, что речь человека служит для описания явлений, действий. Между тем есть высказывания, не описывающие события, а осуществляющие действия. Такие высказывания Джон Остин называл перформативными, они могут характеризоваться как удачные либо неудачные (устная сделка, обещание).

Теория речевых актов была положена в основу теории коммуникативного действия, разработанной Юргеном Хабермасом [18]. Эта философская концепция способна, по нашему мнению, разъяснить некоторые моменты о легитимности позитивного права в современном обществе. Поступок и речь нельзя свести, по мнению Ю. Хабермаса, к деятельности, направленной на достижение цели, например, к трудовой деятельности. Помимо целерациональной работы существуют коммуникативные действия, связанные речевыми актами и взаимным ожиданием. «Под «работой» или целерациональными действиями я понимаю либо инструментальное действие, либо рациональный выбор, либо их сочетание. Инструментальное действие руководствуется техническими правилами, основанными на эмпирическом знании. ... Под «взаимодействием», с другой стороны, я понимаю коммуникативное действие, символическое взаимодействие. Оно руководствуется обязывающими консенсуальными нормами, которые определяют взаимные ожидания относительно поведения и которые должны быть поняты и признаны, по меньшей мере, двумя действующими субъектами. В то время как значимость технических правил и стратегий зависит от значимости эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значимость социальных норм основана только на intersubjectивности взаимного понимания намерений и обеспечена общим признанием обязательств» [19, с. 91]. Коммуникативное взаимодействие регулируется социальными нормами, которые нельзя считать производными от трудовой деятельности. Исторические изменения общества с точки зрения коммуникативной теории следует рассматривать как два не сводимых друг к другу процесса: изменение целерациональной деятельности и развитие форм коммуникативного взаимодействия. Ю. Хабермас в работе 1992 года «Фактичность и значимость» пишет, что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений должно быть позитивное право. Право не долж-

но сводиться лишь к фактичности, то есть принудительности, оно должно содержать в себе и значимость, то есть легитимность...» [20, р. 136].

В отечественной юриспруденции при характеристике юридических функций права коммуникативный аспект, как правило, не раскрывается. Это связано с инструментальным подходом к праву, сформировавшимся в советский период. Он «получил широкое распространение в советский период, прежде всего благодаря работам С.С. Алексеева, который разработал такие категории, как «механизм правового регулирования», «правовые средства», «стимулы и ограничения» [21]. На наш взгляд, «инструментальная парадигма, в которой правовое регулирование рассматривается как система механизмов, стимулов и ограничений, воздействующих на общество, является односторонней» [Там же, с. 24]. Уместно привести мнение члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева по поводу механистического подхода к позитивному праву: «Слова «юридический механизм», «механизмы юридического регулирования, правотворчества, правоприменения» сегодня занимают почетное место в лексиконе юриста. Его нисколько не смущает механический характер юридико-институциональных устройств, напротив, он видит в них то, чего сильно не хватает сложной, хаотизированной, текучей реальности, — четких соотношений по заданной схеме, движения элементов согласно рассчитанному вектору, геометрически правильного расположения линий в процессе движения и т. д. ... В практическом плане образ часового механизма как идеала для правового регулирования, действия правовой системы весьма привлекателен. Но есть одно обстоятельство, которое в теоретико-методологическом смысле делает этот образ неудобным для права: он оставляет в стороне существование последнего в качестве сверхсложной динамической системы, буквально врастающей в свою социальную среду, способной при известных условиях самонастраиваться и саморазвиваться» [22, с. 64]. Таким образом, хотя в настоящее время и очевидно, что общество не механистично и не сводится к автоматизированным процессам, многие ученые до сих пор некритично принимают механистическую картину мира. Безусловно, чтобы полностью раскрыть проблемы функций права, необходимо коммуникативное понимание данных процессов.

Важнейшей особенностью современных правовых систем является также расширение сферы правового регулирования. Этот процесс

обозначается в юридической литературе термином «юридификация общества» [23]. Он заключается в замене правовыми нормами иных социальных правил и сопровождается увеличением количества нормативно-правовых актов и значительным ростом объема нормативно-правового материала. Процесс юридификации является неизбежным спутником развития государства и права. В последнее столетие главным фактором этого феномена явилась социальная функция государства. Английский правовед Р. Сасскинд отмечает, что «...для управления создано слишком много законов, наши нынешние методы управления правовыми средствами, основанные на бумажных и печатных технологиях, не способны решить проблемы с объемом и сложностью права, которое управляет нами» [24]. Сегодня очевидно, что увеличение сферы правового регулирования и количества нормативно-правовых актов приводит к необходимости пересмотра концепции функций права. Регламентация правом абсолютного большинства общественных отношений, выполняя задачу защиты прав личности, неизбежно приводит к ряду негативных последствий как формального, так и содержательного характера. Формальные последствия заключаются в увеличении коллизий норм права, содержательные вызывают кризис легитимности права, который наступает по причине сложности правовых предписаний.

В связи с процессом расширения предмета правового регулирования формируются теории правового регулирования, которые рассматривают функционирование права через категорию «коммуникация». Именно функциональный, системный подход характерен для теории «аутопоэсиса в праве» Н. Лумана [25, р. 165]. По мнению немецкого ученого, современное право следует рассматривать уже не как систему юридических актов, а как систему коммуникаций. Термин «аутопоэсис» означает самовоспроизводство и первоначально использовался в микробиологии при характеристике организмов, существующих самостоятельно, без связи с внешней средой. Н. Луман обосновывал концепцию, согласно которой современное право — это закрытая система, внутри которой происходит процесс коммуникаций. Развитие общества заключается в усложнении и дифференциации различных сфер. Каждая из областей общественных отношений представляет собой систему, которая отличается двумя характеристиками — «программа» и «бинарный код». Программа — это то, через что передается информация субъектами коммуникации.

В правовой системе программа — это формы (источники) права. Бинарный код — то, что отличает общественные системы друг от друга. По мнению Н. Лумана, программы меняются, а бинарный код остается неизменным. Так, в правовой системе бинарный код это «законно/незаконно», в экономике — «прибыли/убытки» и т. д. Н. Луман отмечал, что в современный период различные системы не могут заменять друг друга по причине того, что бинарный код будет неправильно распознавать информацию чужой системы. Во второй половине XX века правовая система сильно разрастается, но при этом уменьшается ее эффективность. Н. Луман приводил пример с законодательством об окружающей среде, которое «не достигало своих целей, теряло свою силу, так как согласовывалось с системой существующих законов» [Там же, р. 235]. Сторонники теории аутопоэсиса в праве предложили концепцию косвенного правового регулирования, когда в законе установлены лишь основные границы правового регламентирования (так действует, например, трудовое право), а субъекты сами наполняют отношения правами и обязанностями [26].

Выводы

Таким образом, именно коммуникативный подход к функциям права, в рамках которого слова рассматриваются как действия, является наиболее адекватным для понимания телеологии права. Именно такая концепция способна

раскрыть основные направления деятельности права в современном государстве и обществе и обосновать институты делиберативной демократии [27], которые могут обеспечить эффективность правового регулирования. С коммуникативной позиции право при осуществлении своих функций не должно быть основано лишь на принуждении. Для выполнения своих задач современное право должно включать в себя два аспекта — это фактичность и значимость. Фактичность права — это принудительность норм права, в то время как значимость — это легитимность функций права, их признание в обществе в качестве авторитета. Особенность развития современного государства заключается в расширении предмета правового регулирования и формировании информационного общества, поэтому правовое регулирование не может быть основано на идеологии и принуждении.

Таким образом, теория функций права должна исходить из необходимости использования коммуникативных процедур, связанных с пониманием современного права. Функционирование права следует рассматривать не только как властный процесс упорядочения общественных отношений, но и одновременно как процесс легитимации юридических правил, где граждане могут участвовать в правотворчестве и правоприменении. Поэтому коммуникативная функция права является основанием для реализации регулятивной и охранительной функций права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 160 с.
2. Абрамов А.И. Понятие функции права / А.И. Абрамов. — EDN OOTZYD // Журнал российского права. — 2006. — № 2. — С. 71–83.
3. Радько Т.Н. Теория функций права : монография / Т.Н. Радько. — Москва : Проспект, 2014. — 272 с.
4. Krawietz W. The Concept of Law Revised — Directives and Norms in the Perspectives of a New Legal Realism / W. Krawietz // Ratio Juris. — 2001. — Vol. 14, no. 1. — P. 34–46.
5. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) / В. Кравиц. — EDN OZCEBD // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2011. — № 5. — С. 8–26.
6. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Поляков. — Санкт-Петербург, 2002. — 94 с. EDN UUWMVT.
7. Макушина Е.Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения / Е.Б. Макушина. — EDN NYBAPR // Вестник Челябинского государственного университета. — 2004. — № 1. — С. 141–143.
8. Щюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / А. Щюц. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 1056 с.
9. Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении / А.И. Демидов. — EDN TKRVHP // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2001. — № 4. — С. 14–22.
10. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. — Москва : АСТ, 2001. — 605 с.
11. Полякова Н.Л. Современная западная социология / Н.Л. Полякова. — Москва : Политиздат, 1990. — 432 с.
12. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В.Н. Фурс. — Минск : Экономпресс, 2000. — 224 с.
13. Апель К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель. — Москва : Логос, 2001. — 339 с.

14. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность, право / Н.А. Бусова. — Харьков : Прометей-прес, 2004. — 351 с.
15. Денисенко В.В. Лингвистическая парадигма как методологическая основа общей теории права / В.В. Денисенко. — EDN IAXJTP // Право и политика. — 2017. — № 9. — С. 123–127.
16. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — Москва, 1999. — 783 с.
17. Остин Д.-Л. Слово как действие / Д.-Л. Остин. — Москва : Идея-Пресс, 1999. — 339 с.
18. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft / J. Habermas. — Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1981.
19. Habermas J. Technology and Science as «Ideology» / J. Habermas. — London, 1971.
20. Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. — Cambridge, 1996. — 631 p.
21. Денисенко В.В. Правовое регулирование: системный подход / В.В. Денисенко, М.А. Капустина. — EDN SBTNSP // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — № 1. — С. 15–24.
22. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. — Москва : Норма, 2007. — 800 с.
23. Денисенко В.В. Юридификация общества как научная проблема современной правотворческой техники / В.В. Денисенко. — EDN RCGFJP // Юридическая техника. — 2012. — № 6. — С. 159–162.
24. Голоскоков Л.В. Модернизация российского права / Л.В. Голоскоков. — Москва : Проспект, 2006. — 43 с.
25. Luhmann N. Sociological Theory of Law / N. Luhmann. — London, 1985. — 168 p.
26. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren / N. Luhmann. — Neuwied : Luchterhand, 1969. — 261 p.
27. Купцова О.Б. Принцип делиберативности в конституционном развитии социального государства / О.Б. Купцова. — EDN SHCBCC // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : XVIII междунар. науч.-практ. конф. : в 5 ч. — Москва, 2021. — Ч. 1. — С. 199–203.

REFERENCES

1. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Minneapolis, University of Minnesota Press., 1984. (Russ. ed.: Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 160 p.).
2. Abramov A.I. The concept of the function of law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2006, no. 2. pp. 71–83. (In Russian). EDN: OOTZYD.
3. Radko T.N. *Law function theory*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 272 p.
4. Krawietz W. The Concept of Law Revised — Directives and Norms in the Perspectives of a New Legal Realism. *Ratio Juris*, 2001, vol. 14, no. 1, pp. 34–46.
5. Krawietz W. Juridical Communication in Modern Legal Systems from the Perspective of the Legal Theory. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2011, no. 5, pp. 8–26. (In Russian). EDN: OZCEBD.
6. Polyakov A.V. *Communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification)*. Doct. Diss. Saint-Petersburg, 2002. 94 p. EDN: UUWMVT.
7. Makushina E.B. Legal communication as a phenomenon of law and communication. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2004, no. 1, pp. 141–143. (In Russian). EDN: NYBAPP.
8. Shchyuts A. *Favorites. A World Glowing with Meaning*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p.
9. Demidov A.I. On the methodological situation in jurisprudence. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2001, no. 4, pp. 14–22. (In Russian). EDN: TKRVHP.
10. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. 1962. 264 p. (Russ. ed.: Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, AST Publ., 2001. 605 p.).
11. Polyakova N.L. *Modern Western Sociology*. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 432 p.
12. Furs V.N. Philosophy of unfinished modernity by Jürgen Habermas. Minsk, Ekonompress Publ., 2000. 224 p.
13. Apel K.-O. *Transformation of philosophy*. Moscow, Logos Publ., 2001. 339 p.
14. Busova N.A. *Modernization, Rationality, Law*. Kharkov, Prometei-pres Publ., 2004. 351 p.
15. Denisenko V.V. Linguistic paradigm as a methodological basis for the general theory of law. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2017, no. 9, pp. 123–127. (In Russian). EDN: IAXJTP.
16. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York, Basic books, 1973. 507 с. (Russ. ed.: Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. Moscow, 1999. 783 p.).
17. Austin J.L. *How to do Things with Words*. Oxford, 1962. 174 p. (Russ. ed.: Austin J.L. *How to do Things with Words*. Moscow, Ideya-Press Publ., 1999. 339 p.).
18. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt a/M, Suhrkamp, 1981.
19. Habermas J. *Technology and Science as «Ideology*. London, 1971.

20. Habermas J. *Between Facts and Norms*. Cambridge, 1996. 631 p.
21. Denisenko V.V., Kapustina M.A. Legal regulation: a systematic approach. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2014, no. 1, pp. 15–24. (In Russian). EDN: SBTNSP.
22. Maltsev G.V. *Social grounds of law*. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p.
23. Denisenko V.V. The legalization of society as a scientific problem of modern law-making technology. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2012, no.6, pp. 159–162. (In Russian). EDN: RCGFJP.
24. Goloskokov L.V. *Modernization of Russian law*. Moscow, Prospekt Publ., 2006. 43 p.
25. Luhmann N. *Sociological Theory of Law*. London, 1985. 168 p.
26. Luhmann N. *Legitimation durch Verfahren*. Neuwied, Luchterhand, 1969. 261 p.
27. Kuptsova O.B. *The principle of deliberation in the constitutional development of the social state. Novellas of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science*. Materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, 2021, pt. 1, pp. 199–203. (In Russian). EDN: SHCBCC.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владислав Валерьевич Денисенко — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права. Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России. 143007, Россия, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Denisenko — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law. Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry. 3, Novo-Sportivnaya st., Odintsovo, Russia, 143007.

Поступила в редакцию / Received 07.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised 22.08.2022

Принята к публикации / Accepted 09.09.2022